

домой поздно ночью, прижимая окоченѣвшими руками ребенка къ своей груди. Дома ее въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ ждала Руперта, которая въ этотъ день пріѣхала въ Лондонъ, чтобы навѣстить свою подругу.

X.

Между тѣмъ Бруно находился въ полномъ невѣдѣніи о томъ, какою дорогою цѣной были добыты деньги, давшіе ему возможность овладѣть драгоценными документами. Полный чувства невыразимаго счастья перебиралъ онъ эти драгоценныя бумаги, которыя несомнѣннымъ образомъ доказывали справедливость требованій Гермины и вину Ульменгольца. Теперь, когда онъ чувствовалъ себя у цѣли, вся накопившаяся злоба противъ Ульменгольца исчезла изъ его сердца. Онъ не хотѣлъ изъ мести губить банкира, предавая дѣло суду, теперь онъ только хотѣлъ возвратить Герминѣ то, что у нея было отнято. За нѣсколько дней до 1-го іюля онъ написалъ банкиру, прося назначить ему свиданіе по важному дѣлу.

Въ назначенный часъ Бруно явился въ квартиру Ульменгольца, и былъ принятъ банкиромъ необыкновенно вѣжливо. Но едва только онъ сухимъ дѣловымъ тономъ объявилъ ему о цѣли своего визита и сталъ излагать свои требованія, преувеличенная любезность Ульменгольца моментально исчезла, и бывшій разнощикъ заговорилъ тѣмъ грубымъ языкомъ, какимъ говорилъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Онъ думалъ сначала, что Бруно основываетъ свои обвиненія на разсказахъ Гермины, на ходячихъ слухахъ и догадкахъ, и дерзко отрицалъ ихъ справедливость. Но молодой юристъ сталъ приводить неоспоримые факты и цифры, изъ которыхъ видно было, что онъ обладаетъ болѣе вѣскими доказательствами. Банкиръ сдѣлался сговорчивѣе и предложилъ «выкинуть» Герминѣ небольшую сумму, «не потому, что она имѣетъ какія-либо права на эту сумму, но единственно, чтобы отвязаться отъ непріятностей», какъ объяснилъ Ульменголецъ. Бруно съ негодованіемъ отказался сбавить что-нибудь съ требуемой суммы.

— Знаете что, г. адвокатъ, — грубо сказалъ банкиръ, — я совершенно не понимаю, объ чемъ мы тутъ съ вами разговариваемъ. Вы требуете отъ меня какихъ-то денегъ, которыхъ я не намѣренъ платить, — такъ подавайте на меня жалобу. Я происхожу изъ крестьянской семьи, и вы себѣ представить не можете, какое удовольствіе доставляетъ нашему крестьянину тяжба.